

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ОТ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2019 г. Л.Ф. Широкова

*Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
shirocco@mail.ru*

Наиболее значительные произведения словацкой литературы, отразившие тему Первой мировой войны, были созданы писателями—участниками ее событий. Основанные на заметках, дневниковых записях и фактографических очерках, сделанных авторами на фронте и в плену, книги более зрелого периода их творчества отличаются глубиной художественного осмысления пережитого, психологизмом и достоверностью характеров.

Most significant works of Slovak literature, reflecting the theme of the First World War, were created by writers who had participated in those events. Based on their notes, diary entries and factual essays made by the authors at the front and in captivity, their books of the more mature period of their work are distinguished by the depth of artistic understanding of experience, psychologism and reliability of characters.

Ключевые слова: Первая мировая война, словацкая литература, дневники, воспоминания, сюжет, автор, герой.

Keywords: Second World War, Slovak literature, diaries, memoirs, storyline, author, hero.

DOI: 10.31857/S0869544X0006141-8

В годы Первой мировой войны Словакия, бывшая тогда частью Австро-Венгрии, избежала масштабных военных действий на своей территории, однако негативное воздействие войны на все сферы ее жизни было очевидно. «Фронт проходил лишь по небольшой части Словакии, но война затронула даже самые отдаленные ее уголки. Уже сама по себе мобилизация сотен тысяч человек, наиболее продуктивной рабочей силы, губительно сказалась на и без того бедной стране» [1. С. 55],— писал словацкий историк Л. Липтак. Вместе с массой новобранцев, крестьян и ремесленников, в окопах оказались и представители словацкой интеллигенции, в том числе известные и начинающие литераторы Йозеф Грегор-Тайовский, Янко Есенский, Ян Грушовский и др.

Писатели—участники Первой мировой войны фиксировали свои впечатления вначале по горячим следам событий в документальных заметках

и дневниковых записях; позднее их опыт увиденного и пережитого воплотил-ся в художественных образах произведений, созданных в межвоенный период.

Йозеф Грегор-Тайовский (1874–1940) происходил из небогатой многодет-ной семьи. После окончания учительского Института и Торговой академии в Праге он работал учителем, затем сделал карьеру банковского служащего, од-новременно занимаясь писательской и редакторской деятельностью. С кон-ца 1890-х гг. в печати стали появляться его прозаические произведения, пре-имущественно рассказы и повести социально-бытового содержания, а так-же драмы и комедии из народной жизни, имевшие большой успех у публики. В 1915 г. его призвали в австро-венгерскую армию и отправили на восточный фронт. При первой же возможности он сдался в плен русским солдатам. По-сле нескольких месяцев работ в лагере для военнопленных Грегор-Тайовский включился в ряды чехословацкого движения в России, был капитаном че-хословацкого легиона и одновременно — редактором чехословацкой периоди-ки, издававшейся в Киеве. Лишь в 1919 он вернулся домой, в недавно образо-ванную Чехословацкую республику.

Вскоре Грегор-Тайовский опубликовал три книги, основанные на его лич-ных впечатлениях о Первой мировой войне и пребывании в России: «Рассказы из России» (1919), «Рассказы о чехословацких легионах в России» (1920), «На фронт и другие рассказы» (1920).

Книги состоят из многочисленных, часто разноплановых по жанру главок, расположенных по временной последовательности описываемых событий. Их содержание — это, преимущественно, заметки и дневниковые записи самого ав-тора, отражающие факты его военной биографии, переживания и рассуждения о службе в венгерской армии, жизни в плену, встречах в России, о пребывании в рядах чехословацкого легиона, охватывающие период с 1915 вплоть до 1919 г.

В сборнике «Рассказы о чехословацких легионах» семь глав, названия ко-торых соответствуют этапам фронтового пути писателя: «Под венгерской пя-той», «Мужики», «Дружина», «В легионах», «Революция», «Среди большеви-ков», «Новая родина».

Среди них выделяются три первых рассказа, близкие по жанру к очерку, ко-торые объединены в общую главу «Под венгерской пятой». По времени пове-ствования они относятся к началу Первой мировой войны; в них представлены социально-психологические портреты трех словацких солдат австро-венгерской армии, недавно отправленных на восточный фронт, в Галицию. По своему типу эти герои родственны характерным для довоенного творчества Грегора-Тайов-ского народным персонажам, реалистичность которых сочетается здесь с под-черкнуто выраженными национальными чертами, нередко усиленными публи-цистическими авторскими высказываниями. При этом сама роль автора-пове-ствователя проявляется в каждом из рассказов по-разному. В первом («Янко Вrabель»), где говорится о юном новобранце, в характеристике которого отчет-ливо выражено его национальное самосознание и симпатия к братьям-славянам, фигура повествователя скрыта за объективностью изложения от третьего лица. Во втором («Глухарь») — о пожилom глуховатом солдате, бывшем сельском па-стухе — уже явственно звучит голос рассказчика от первого лица: «Недолго слу-жил Юро. Но и я, и все, кто жил рядом с ним, сохранили о нем добрую память. Я вот сейчас пишу о ней, а другие, там, в окопах, хранят ее» [2].

В третьем рассказе («Повар Юрек»), в центре которого еще один тип — прижимистый солдат, смыслом существования которого на фронте стало

выживание, ради чего он постоянно раздобывал и прятал съестное, автор-повествователь появляется и как персонаж, взаимодействующий со своим героем. «Как-то раз Юрек угостил и меня [...], своего капрала, чтобы уж и я закрыл на все глаза и не ругал его» [2].

В этой части сборника сделанные на фронте писательские заметки, фрагменты личной хроники представлены уже в определенном художественном преломлении, хотя описательность и типажность преобладают над психологической глубиной характеров.

Художественная трансформация темы Первой мировой войны и образа словацкого солдата становится более очевидной в позднейшем творчестве Грегора-Тайовского. Это показывает, например, сопоставление его уже упомянутого очерка 1919 г. «Янко Вrabель» и драмы «Герой», написанной в 1938 г.

«Янко Вrabель» — это психологический портрет молодого восемнадцатилетнего призывника (по авторскому определению — это «молодец-словак») австро-венгерской армии, которого отправляют на передовую «стрелять в русских». На вокзале он по-детски плачет от страха, но при этом как сознательный словацкий патриот продумывает план действий, «понимает, что он — словак, славянин, и что русский и серб — его братья, а первый враг его — мадьяр» [2]. То же твердит ему и дядя, пришедший его проводить: «Ты стреляй повыше, в небо, в братьев стрелять не нужно» [2].

На фронте, в окопах, Янко терпит суровую муштру и издевательства венгерских офицеров, утешаясь тем, что «страдает за свои словацкие убеждения, за любовь к русским братьям» [2]. Он мечтает лишь о том, как бы поскорее сдаться в плен: «Ночью, стоя на посту, он глядит на небо, гадая, какие звезды могли бы привести его к русским. Уж ни о чем другом не думает, только — бежать, бежать, бежать. Там ему наверняка скажут: “Брат!”» [2]. И в сцене с русским аэропланом-разведчиком он стреляет лишь для видимости, в воздух, молясь, чтобы случайно не попасть. Улучив подходящий момент, Янко сдается в плен, крикнув по-русски: «Здравствуйте, братья, я — словак!». И дальше все произошло так, как он себе и представлял: «К нему подбежали три солдата, помогли выбросить патроны, и первые русские слова были — “закурить папиросы”» [2]. Несколько идеализированно описывается затем жизнь пленного в России — работа на лесозаготовках вместе с сотнями чехов и словаков: «Хлеба достаточно, еды достаточно, дров сверх меры, всем он доволен, вот только русский табак мелкий, как тмин» [2]. И в финале намечается перспектива дальнейшей судьбы Янко и других пленных — среди них пошли слухи о формировании «чехословацкого войска, чтобы бить венгров и немцев» [2].

В написанной почти спустя два десятилетия драме «Герой» основные события происходят в словацкой деревне в годы войны, только в III действии показана сцена столкновений на итальянском фронте. Основная сюжетная линия, намеченная в очерке «Янко Вrabель», разработана более детально и уже по другому принципу, по законам драматургии. Однако благодаря развернутым авторским ремаркам, обстоятельным и содержательным репликам действующих лиц она прослеживается в тех же основных пунктах. В начале — это мобилизация и отправка на фронт сельского юноши Янко Мигалика, его изначальное стремление перебежать к русским братьям, которое горячо поддерживает его отец; затем в репликах родных обсуждаются слухи о его пленении и вступлении в ряды легионеров и, наконец, в финале показано его возвращение домой.

Характер Янко в пьесе «Герой» более сложен: славянское самосознание выражается в нем не столько в декларативной форме, сколько в таких приданных ему автором чертах, как идейная связь с патриотом-отцом, любовь к родному языку, к словацкой культуре. Так, вместе со скудными домашними припасами он берет с собой на фронт книги классиков словацкой литературы С. Халупки, Я. Ботто, С. Гурбана-Ваянского, «за которые его из школы выгнали» [2]. В то же время внутренний конфликт вызывает в нем вражда с соседом по деревне, «мадьяроном»¹ Шуриком, которого он убивает, столкнувшись с ним по разные стороны фронта. В финале пьесы Янко мучают угрызения совести, жалость к вдове и детям убитого им врага, и сомнения — «герой он или убийца?» [2]. Эти слова он вырезает на кресте, который сколотил для своей будущей могилы.

Тему Первой мировой войны отразил в своем творчестве и Янко Есенский (1874—1945), ровесник, близкий друг и соратник Й. Грегора-Тайовского. Выдающийся поэт и прозаик, переводчик русской поэзии, он происходил из старинной дворянской семьи Есениусов, получил юридическое образование, окончив юридическую академию в Прешове и докторантуру в Клуже, работал адвокатом. Однако карьеры сделать долго не мог, поскольку считался политически неблагонадежным «панславистом», за что подвергался гонениям со стороны властей. В начале Первой мировой войны Есенский, уже известный литератор, был арестован и в 1915 г. отправлен на восточный фронт, где вскоре перебежал к русским. Как и Грегор-Тайовский, он работал сначала в лагере для военнопленных, потом — в чехословацких газетах, издававшихся в России, вступил в чехословацкий легион. В Чехословакию вернулся также в 1919 г., занимал там видные государственные посты до 1939 г. и стал автором ряда стихотворных сборников, рассказов, двухтомного романа «Демократы» (1934, 1938) и мемуаров.

В 1915—1918 гг. Есенский, находясь в России, вел дневники, куда заносил не только свои заметки и наблюдения, но и рождавшиеся в столь сложных и драматических обстоятельствах стихи. Лирические и иронические, они выразили и внутренние переживания автора, и впечатления от наблюдаемых им картин и нравов на его нелегком пути новобранца, военнопленного, военного журналиста и начинающего политика. Этот своего рода поэтический дневник был опубликован Есенским уже в 1918 г. в виде сборника под общим названием «Из плена». Значительная часть стихотворений посвящена России, новой и уходящей, вызвавшей в душе поэта противоречивые чувства.

Так, в стихотворении «Земля Пушкина», датированном 18 июля 1915 г. с указанием на место написания — г. Харьков, есть такие строки:

Земля поэтов, Пушкина страна
и Лермонтова, выстроена словом,
в той комнатухе под родимым кровом
была во всем величии видна.
[...]
Теперь стена и пол — моя квартира,
в плену лишь лучик солнечный лови,

¹«Мадьярон» — словак, сменивший свою национальную принадлежность на венгерскую в период проведения в Венгрии политики мадьяризации в конце XIX — начале XX в.

я здесь в тисках венгерского мундира,
и два поэта, русские певцы,
ни слова мне не скажут о любви:
молчат, как чопорные гордецы [3. С. 141]².

А в стихотворении «"Что чувства добрые..."» (у памятника Пушкину)», записанном в Екатеринославе 12 октября 1915 г., Есенский с горечью обращается к любимому поэту: «Твоя великая прекрасная Россия / подвластна своему лихому конвою, / и как шальная пуля твою пробила лиру, / так благодарный твой народ / крушит сейчас твой памятник / и твой роскошный стих, и чувства добрые / в кровавую со смехом превратил сатиру» [4].

В 1933 г. Я. Есенский издал книгу воспоминаний «На пути к свободе», во многом основанную на дневниковых записях военных лет. В пятнадцати главах, написанных от первого лица, прослеживается весь сложный путь писателя от месяцев накануне и в начале войны («Мое первое дело», «Война», «Плен»), полной бурных событий жизни в России («Харьков—Тамбов», «В Березовке за Байкалом», «Киев», «Челябинск» и др.) до завершения долгого пути в Словакию морем через Японию, Китай и Италию («Домой»).

В начале книги, рассказывая о пребывании под арестом в Братиславской тюрьме по обвинению в измене и панславизме, автор упоминает и маленькую хитрость, которая помогла ему сохранить свои заметки и стихи тех лет: «Ручку и маленький блокнот я с большой изобретательностью спрятал у себя так надежно, что их не нашли при досмотре» [4].

Воспоминания о событиях и людях перемежаются у него лирическими и ироническими отступлениями, образным переосмыслением давно пережитого: «Война — это главное лакомство для неумолимого, коварного, страшного коменданта: для смерти. От нее не дезертируешь, не спрячешься, не откупишься... Но не только смерть меня огорчает. Иной раз огорчает и жизнь» [4].

Подробно и живо описывает Есенский обстоятельства сдачи в плен русским солдатам, напоминая схожую сцену у Грегора-Тайовского:

«Не стреляй! Я — славянин! — кричал я.

— Так брось винтовку! — он — мне.

Я швырнул свою "манлихерку"³ ему под ноги.

И русский, который стрелял в меня, заулыбался и показал рукой на окоп, мол, спрячься. Меня окружили. Дали хлеба и сала. А я вынул из ранца сигары и шоколад и принялся раздавать, кому что достанется» [4].

Значительная часть книги посвящена воспоминаниям о России. И если поначалу, попав в плен в 1915 г., Есенский воспринимал русские реалии порой критически, но с неизменной симпатией и даже умилением, то революция 1917 г., а особенно — октябрьские события и то, что за ними последовало, стало для него настоящим потрясением.

Глава «В Петрограде» передает впечатления Есенского от увиденного: «Ветер дул нам в лицо и гнал вдоль грязных улиц мусор, пыль, клочки бумаги и рваные газеты. Витрины, вывески, фонарные столбы, окна домов, лепнина

² Перевод Наталии Шведовой.

³ Винтовка Манлихера, которая была на вооружении в австро-венгерской армии.

на стенах — все было покрыто грязью и пылью. Улицы малолюдны. Больше всего солдат в скатанных шинелях через плечо» [4]. Давний поклонник русской культуры, великолепный переводчик классической поэзии, Есенский не узнал города своей мечты, настолько изменила его революция, изменив и само восприятие поэта: «Я ожидал увидеть нечто величественное, широкое, прекрасное, с аллеями из высоких деревьев и мощеными тротуарами — блеск, великолепие, роскошь. И вдруг — ничего. Как сотни других улиц в других городах» [4]. Во всем он увидел следы разрушения былого, некогда прекрасного, грязь и запустение: «Мы подошли к Неве. Грязная серая река с прогнившими, почернелыми лодками. За ней и возле нее дома, дома, дома. Пустота» [4]. А знаменитые скульптуры на Аничковом мосту навели его на размышления о вечной борьбе разумного с дикой стихией, представились метафорой русской революции: «Четыре бронзовых жеребца с бронзовым человеком на четырех углах моста. Жеребцы встают на дыбы, а человек хочет их укротить. Образ укрощения и каждый раз возобновляемой борьбы [...] Мне невольно на ум пришли большевики и противостояние им» [4].

К финалу книги, после описания многочисленных событий и встреч с русскими людьми, Есенский вновь возвращается к мягкой, ностальгической тональности в отношении к России, вспоминая долгое морское путешествие на пути к дому: «Часто нас охватывала “тоска” по России. Ее чувствовал каждый, кто покидал ее» [4]. В целом же мемуары Есенского отличает глубокая субъективность художественного высказывания, большая степень авторского самораскрытия, не характерная для других прозаических произведений писателя и встречающаяся только в его поэзии.

Еще один участник войны на восточном фронте, Ян Грушовский (1892–1975) — младший современник двух упомянутых писателей. В отличие от коллег он не был в русском плену; во время боев он тяжело заболел и лечился в госпитале. Грушовский получил финансовое образование, однако работал всю жизнь в журналистике, долгое время служил редактором в разных словацких периодических изданиях.

Свои заметки о войне Грушовский начал писать, а затем и публиковать в периодической печати в г. Мартин уже в конце 1914 — начале 1915 г. «Я был весьма горд, — писал он позднее, — когда выяснилось, что это была у нас, по сути дела, первая прозаическая литература, бравшая сюжеты из войны» [5. S. 215].

В 1919 г. Грушовский издал книгу «С мировой войны», написанную на основе своих автобиографических заметок. Это своего рода хроника жизни молодого офицера австро-венгерской императорской и королевской армии (автор выступает здесь под своим именем), в которой описываются события первых месяцев войны.

Полк, где служил Грушовский, направляют «на русские границы, на Львов, а оттуда прямо на Москву» [5. S. 26], и молодые офицеры испытывают перед отправкой на фронт отнюдь не воодушевление, а совсем другие чувства — растерянность, уныние: «Мы молимся всемогущественному богу о своем спасении, [...] стоим молча, склонив головы, с тяжелым сердцем. Мы обречаемся со смертью» [5. S. 27].

В дальнейшем повествовании события становятся все более драматическими. Военные действия разворачиваются уже «на вражеской территории», в Галиции. Автор, убежденный русофил, патетически восклицает: «Мы вошли на святую землю матушки России» [5. S. 28], при этом подмечая здесь и резкие

социальные контрасты, нищету деревни и пышность барских усадеб. Поражает его и национальная пестрота австрийской армии, и демагогия старших офицеров, которые призывают подчиненных к новым победам и лаврам накануне кровавых сражений и бесславного отступления. Меняются настроения молодых офицеров, наступает отрезвление: «Каждый представлял себе войну другой, более яркой, пусть и кровавой, но зато приправленной веселыми моментами, даже галантными историями. А сегодняшняя война не такая. В ней нет блеска белоснежных мундиров, сверкания сабель, — все серое, грязно-зеленое» [5. S. 87]. К тяжелым условиям военного быта добавляются болезни, эпидемия дизентерии, от которой чуть не погибает сам Грушовский. Записки завершаются картинами панического бегства славных зальцбургских полков, бросающих оружие и боеприпасы.

Заметки Грушовского, сделанные по горячим следам событий, при известной степени описательности не были чужды художественной образности, умения автора видеть и изображать не только события, но и характеры. Многие мотивы, фигуры, человеческие типы получили развитие в нескольких его последующих, более зрелых художественных произведениях — в повести «Человек с протезом» (1925), в романе «Петер Павел на пороге нового мира» (1930), в рассказах «Происшествие в воздухе», «Mamma mia» и др.

В романе «Петер Павел на пороге нового мира» Грушовский более глубоко представил картины военных бедствий и разрушений, не только материальных, но и нравственных.

Действие романа разворачивается вначале в Австрии, в окрестностях Зальцбурга, где базируется полк молодого офицера, словака Петера Павела, а затем — на итальянском фронте, об ужасах которого Петер узнает из рассказа своего однополчанина, офицера Блюмла. Тот описывает ему апокалиптические картины тяжелых боев, горы трупов и реки крови. Основу сюжета романа составляют злоключения Петера Павела, которому полковой командир дает опасное секретное задание — организовать в частях борьбу с подрывной «большевистской пропагандой». Ее активизацию связывают с притоком в армию бывших военнопленных, которые стали очевидцами революции в России: «Эти сто тысяч человек собственными глазами видели, как взбунтовалась армия, как свергли династию, как перебили почти весь офицерский корпус» [6. S. 26]. Особую опасность, по убеждению полковника, представляет «панславистская агитация среди рядовых в словацких полках». Услышав от него о существовании «вражеской организации» — Чехословацкого национального совета, Петер Павел, будучи горячим словацким патриотом, в душе ликует: «Что за потрясающая весть! Чехословацкий национальный совет! Независимое чехословацкое государство! Новая, свободная отчизна!» [6. S. 29]. Петеру Павелу вскоре приходится напрямую столкнуться с последствиями внутреннего разложения австро-венгерской армии, со стихийными солдатскими бунтами, насилием, убийством офицеров. Он и сочувствует солдатам как жертвам безжалостной военной машины, и в то же время видит в агрессивной массе враждебную своему миру разрушительную силу. Герой теряет в этой исторической мясорубке многое, видит гибель близких ему людей. Однако завершается роман все же на позитивной ноте — война заканчивается, на обломках Австро-Венгерской империи возникают новые государства, и войска расходятся по домам — по своим национальным территориям; перед Петером Павелом брезжит рассвет «нового мира».

В 1920—1930-е гг. Я. Грушовский становится одним из самых ярких представителей экспрессионизма в словацкой литературе — направления, возникновение которого было во многом связано с ужасами и потрясениями Первой мировой войны. Так масштабно тема войны в словацкой прозе 1920—1930-х гг. уже не рассматривалась — в литературе шли уже другие процессы, возникали другие художественные течения и явления.

Свежие, непосредственные впечатления, зафиксированные писателями-участниками войны в дневниковых записях, в заметках и кратких очерках, трансформировались затем в художественные образы в их дальнейшем творчестве. Литература о Первой мировой войне стала, таким образом, не только документальным свидетельством событий, но и важной частью словацкой культуры XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000.
2. *Gregor Tajovský J.* Rozprávky o československých legiach v Rusku. Zlatý fond denníka SME2018, [cit. 20. 4. 2019]. Доступно на: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1944/GregorTajovsky_Rozpravky-o-ceskoslovenskych-legiach-v-Rusku
3. Голоса столетий. Антология словацкой поэзии от истоков до конца XX в. / Под ред. А.Г. Машковой. М., 2002.
4. *Jesenský J.* Cestou k slobode. Zlatý fond denníka SME2008, [cit. 20. 4. 2019]. Доступно на: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/823/Jesensky_Cestou-k-slobode
5. *Hrušovský J.* Stála vojna, stála. Bratislava, 1971.
6. *Hrušovský J.* Peter Pavel na prahu nového sveta. Bratislava; Praha, 1930. Zv. II.